

Заглавие документа:

Уланович О.И. ТЕКСТ И ЕГО ПОНИМАНИЕ // Вестник МГЛУ. Серия 2. Психология, педагогика, методика преподавания иностранных языков. – № 3. – Минск: МГЛУ, 2001. – С. 22 – 30.

Авторы: Уланович, Оксана Ивановна

Тема: Психология сознания

Дата публикации: 2001

Издатель: Минский государственный лингвистический университет.

Аннотация: *Уточнение и определение референтного пространства таких ключевых категорий как «текст» и «понимание речи» представляется важным в свете ныне популярного антропоцентрического подхода к изучению явлений языка и речи, стремления к изучению «человека в языке» и «языка в человека», а также в контексте современных дискурсивных исследований. Текст в работе определяется как динамическая, связанная последовательность знаков или образов, знаний и экстралингвистических факторов, выражающая определенное содержание и обладающая смыслом, доступным для понимания. Понимание текста рассматривается как многоуровневый феномен мыследействования реципиента, обладающий поливариантными типами своего существования, ответное текстопорождение, серия взаимозависимых, взаиморазвивающихся творческих актов, процесс и результат построения семантической макроструктуры текста путем его перевода с национального языка на язык интеллекта при условии наличия в предшествующем опыте индивида необходимых языковых и энциклопедических знаний.*

Уланович О.И.

ТЕКСТ И ЕГО ПОНИМАНИЕ

The article dwells upon the problem of the categories of text and text understanding that are fundamental concepts in the whole range of adjacent sciences. These teams are studied in the light of modem tendency towards speech and verbal behavior consideration together with cognitive processes, taking place in a man's consciousness and within real verbal communication.

Категория *текст* – центральное понятие в целом ряде смежных наук. Тем не менее, согласно работам многих авторов, оно является все же недостаточно ясным и четким, и именно поэтому мы считаем необходимым уточнить смысл данной категории.

Рассмотрение текста только как продукта и результата речевой деятельности весьма ограничивало референтное пространство термина. Признание динамической природы текста и современное его определение одновременно и как процесса текстопорождения и как результата речевой деятельности значительно обогащает научную специфику понятия. В отличие от единиц более низкого порядка и статических по своей природе, таких как слово или фразеологизм, текст динамичен. Динамичность текста предполагает этапы его порождения (в процессе продуцирования речи), рецепции (в процессе восприятия его реципиентом) и его дальнейшего распада, если, конечно, текст не записан [12].

Разделяя мнение А.А. Брудного, что «текст, бесспорно, существует и вне его понимания, но латентная форма понимания смысла текста молчаливо предполагает существование того, кто этот текст способен прочесть» [3. С. 164], все же хочется заметить, что зафиксированный текст представляется односторонним, материальной формой выражения и является несостоявшимся до тех пор, пока не актуализируется его смысл, что происходит лишь в процессе его восприятия и понимания реципиентом. Подобное положение подрывает традиционное отношение к тексту как к некоторому автономно существующему продукту и дает право утверждать, что текст не существует как сложное коммуникативное явление, «существенная составляющая социокультурного взаимодействия» [4. С. 53] вне процессов его продуцирования и рецепции.

Итак, тобой текст – «динамический процесс» [12], способами существования которого являются процессы его производства и восприятия. Обыденное сознание под *текстом* склонно подразумевать тексты письменные, даже печатные. В теории же текстом, как правило, именуют любое последовательное выражение какого-либо содержания, не обязательно письменное.

Предположительно, «вербальность» текста следует понимать в самом широком семиотическом смысле. *Планом выражения* текста может быть *звуковой семиотический субстрат*, если текст воспринимается на слух; *визуальный семиотический субстрат* при зрительном восприятии; *тактильный семиотический субстрат* при восприятии посредством осязания (для слепоглухонемых). Отсюда текстом, наряду с литературным произведением, мы можем назвать и музыкальное произведение, и произведение живописи. Именно произведения живописи (в частности, картину Рембранта «Ночной дозор») называет А.А. Брудный *текстами культуры*. Обладающие высокими

художественными достоинствами и (или) глубиной смысла, они выходят за узкие для них феноменологические границы понятия текст, но порождены в знаковой форме и являются семиотическими продуктами процесса мыследействия.

Более того, тексты включают в себя не только произносимые или написанные слова (знаки); жесты, мимика, условные знаки могут также быть органической составной частью текста как выражения некоторого содержания. Отсюда вполне оправданным представляется нам выделение О.И. Ревуцким *лингвистического, смыслового и экстралингвистического* уровней текста [14].

Разделяя мнение Ю.М. Лотмана, что «язык есть порождение текста на определенной стадии его функционирования» [11. С. 4], можно предположить, что способность продуцировать тексты на языке является критерием владения этим языком. Процесс и результат усвоения иностранных языков только лишь подтверждает данное предположение: подлинное владение языком наблюдается как раз тогда, когда человек свободно строит собственные новые высказывания на этом языке, т.е. продуцирует тексты. Аналогично этому возможность создавать живописные или музыкальные произведения – тексты в широком семиотическом смысле -- есть показатель уровня владения продуцента языком живописи или музыки. По мнению Л.Н. Мурзина, «достижение высокой степени свободы языка на уровне текста – это не только цель, но и непереносимое условие владения языком» [12. С. 40]. Под *степенью свободы языка*, очевидно, следует понимать богатство языковых средств для выражения богатого художественного содержания и глубокого смысла на уровне текста.

Универсальным свойством текста, признаваемым всеми авторами, исследовавшими феномен понимания текстов, является его *интерпретируемость* или возможность неоднозначного осмысления через призму индивидуально-нравственного и социально-культурного опыта индивида. Наличие видимых отличий содержания текста для читателя от закодированного автором психологически оправдано всегда существующим более или менее заметным расхождением в языковой компетенции и тезаурусе (системе знаний о мире) автора и читателя [14. С. 11].

Можно однозначно утверждать, что далеко не каждый семиотический продукт есть текст. Дорожные знаки, эмблемы, таблицы, аксиомы с трудом можно назвать текстами, так как они предполагают лишь одно толкование, строго им и предписанное, тогда как текстом можно назвать и отдельный заголовок какого-то произведения, и даже карикатуру при условии их интерпретируемости. Интерпретируемость же текста предполагает наличие определённого содержания и смысла, что является отражением действительных объектов и связей между ними как *неравнозначных* и проявляется в смысловой упорядоченности текста [3]. Текст создается из фрагментов предметной, но уже

осмысленной материальной среды, которые упорядочиваются языковыми средствами в процессе текстопорождения, и, получая условное значение в единой смысловой системе, приобретают статус текстовых элементов. *Смысл* выступает при этом в нескольких функциях: он скрепляет составные элементы текста, активно способствует репродукции его содержания, позволяет соотнести содержание каждого данного конкретного текста с действительностью [3]. Дорожные знаки, эмблемы, расписания поездов, атрибуты и т.д. обладают лишь значением, а не смыслом, а, следовательно, информативно значимы, но коммуникативно нейтральны. Тексты это смысловые системы, непосредственно или опосредованно соприкасаемые с действительностью, доступные относительно вариативному пониманию.

А.А. Брудный, основываясь на соображениях, в тезисной форме высказанных С.Л. Рубинштейном, выделяет три типа текстов по степени емкости смысловой структуры [3. С. 136]. В текстах *первого типа* не обозначены опорные точки, ограничивающие возможность варьировать их понимание. К этому типу текстов А.А. Брудный относит так называемые «дада» - тексты и Апокалипсис, и тексты, образованные последовательностью знаков недешифрованных ещё языков. В текстах *второго типа* все элементы однозначно представлены именно в том смысловом качестве, в котором они только и могут быть поняты читателем, располагающим тезаурусом (системой знаний о мире [14]). Таковы, например, научные тексты. *Третий тип* образуют тесты, содержащие ряд направляющих, семантических или, как их еще называют, смысловых линий, порождающих значительное число вариантов понимания. Сюда, в идеале, относятся литературно-художественные тексты.

Несмотря на наличие такой объективной характеристики текста как делимость, проявляющуюся в его членении на фразы, абзацы, главы и т.д. (т.е. более или менее субъективные «куски» по семантической завершенности), тексту как единой смысловой системе присущи определенные структурные принципы его построения *связность* и *цельность*. Эта идея в психологической теории не нова и развивалась многими авторами (А.А. Леонтьевым, Ю.А. Сорокиным, Л.Н. Мурзиным, А.С. Штерн и др.). Единство мнений заключается в рассмотрении связности как линейной, лексически, грамматически и синтаксически обусловленной связи между текстовыми единицами, которая формирует план выражения текста. Цельность как смысловая характеристика текста образует план содержания последнего и обеспечивается его соотнесенностью с абстрактной или конкретной ситуацией. Отсутствие связности текста не разрушает его как «концентрированную действительность» [3], тогда как отсутствие цельности полностью деструктурирует текст как таковой и превращает его в неорганизованную звучащую или графическую материю. Предполагается, что ядерная цельность текста отражается в наборе

ключевых слов [12]), хотя, несомненно, это не исключает и других путей исследования цельности текста.

Современные зарубежные исследователи когнитивных механизмов обработки смыслового содержания оставляют термин *текст* в рамках исследований грамматики текста, тогда как при изучении когнитивных процессов предпочитают употреблять термин *дискурс*, значительно обогатившийся за прошедшие 30 лет когнитивных исследований в зарубежной науке и означающий в настоящее время «существенную составляющую социокультурного взаимодействия, характерные черты которого – интересы, цели и стили» [4. С. 53]. Иначе говоря, Дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста (в узком понимании как связной последовательности предложений), еще и экстралингвистические факторы; причем не только жесты, знаки, мимику, но еще и знания о мире; мнения, установки; цели адресата, необходимые для понимания текста. Очевидно, что такое определение дискурса как сложной системы иерархии знаний максимально соответствует стремлению научных исследований к рассмотрению построения и восприятия речевых сообщений в комплексе с процессами, происходящими в человеческом сознании. В. Кинч и Т.А. ван Дейк, исследовавшие структуру дискурса, выделяют его связность на локальном и глобальном уровнях [4]. Локальная связность была определена в терминах отношений между пропозициями (когнитивными базовыми единицами, состоящими из предиката и одного или более аргументов), которые выражены соседствующими предложениями. Глобальная связность имеет более емкую природу и характеризует дискурс в целом или же его большие фрагменты. Понятия, используемые для описания этого типа общей связности дискурса, включают *тему*, *общий смысл*, *основное содержание*. Все они свидетельствуют о глобальном содержании дискурса и, по мнению вышеупомянутых авторов, требуют объяснения в терминах семантической структуры.

Понятие *макроструктура* было введено Т.А. ван Дейком с целью дать абстрактное семантическое описание глобального содержания и, следовательно, глобальной связности дискурса [4. С. 189]. По своей природе макроструктура состоит из макропропозиций довольно высокого уровня, выведенных из пропозиций, содержащихся в тексте, а также из фоновых знаний о мире. Следовательно, макропропозиции, в принципе, не обязательно должны непосредственно быть выраженными в поверхностной структуре текста. Они могут быть выведены за счет интерпретации слов, фраз, предложений путем семантического вывода [4. С. 59]. Интерпретация, основанная на выведении макропропозиций дискурса и фоновых знаниях реципиента, составляет семантическую макроструктуру текста, постижение которой и есть цель всякого понимания.

Итак, под текстом мы подразумеваем динамическую, связную последовательность знаков или образов [3], знаний и экстралингвистических факторов, выражающую определенное содержание и обладающую смыслом, в принципе доступном для понимания.

Восприятие – феномен многоуровневый (ступенчатый), несомненно сохраняющий свою многоуровневость и при восприятии речи. Исходя из наиболее распространенной в современной психологии теории трехуровневого (сенсорного, перцептивного, смыслового) восприятия речи, с текстом традиционно связывается высший, *смысловой* уровень, поскольку текст как коммуникативный процесс, реализуется лишь тогда, когда реципиент осмысливает его, ибо восприятие текста не сводится к восприятию (ощущению) его звучания или последовательности графических знаков. А.А. Залевская определяет смысловое восприятие как «единый процесс взаимодействия восприятия и понимания с опорой на многогранный чувствительный и рациональный индивидуальный и социальный предшествующий опыт реципиента текста» [9. С. 7]. Смысловое восприятие представляет собой «перцептивно-мыслительно-мнемическую» деятельность [10], так как оно активизирует основные когнитивные системы: восприятие, мышление, память.

Многие авторы сознательно избегают использования термина *понимание* и заменяют его такими синонимами как *интерпретация, распрямление, декодирование, осознание, идентификация* текстов и т. д. Единого терминологического употребления понятия *понимание* не существует и поныне. Сложность установления референтной области этой категории, очевидно, связана с отнесенностью данного процесса к разряду скорее интуитивно-образных, происходящих на неосознаваемом или неотчетливо осознаваемом уровне, чем к разряду абстрактно-логических (рациональных) [7]. Замечено, что в повседневной деятельности мы сравнительно легко усваиваем смысл чужих текстов и вводим их в свое сознание, при этом совершенно не осознавая механизмов процесса. Понимание неуловимо и никак особо не выделяется, когда протекает без затруднений. О понимании мы вспоминаем лишь, когда чего-то не понимаем. Непонимание заставляет задуматься о понимании.

Часть авторов рассматривает понимание как результат процесса декодирования вербальной информации, другие – как сам мыслительно-мнемический процесс. Большинство современных исследователей согласны с определением понимания как «оценочного метатермина» и процесса, и результата. Как справедливо заметил А.А. Брудный, «каждому из нас из неопровержимого личного опыта известно, что понимание существует и как процесс, и как переживаемый индивидом его итог. Но при определении сущности понимания психолог встречается с большими затруднениями. Они, как можно предположить, зависят от того, что понимание – это явление, исключительное по сложности и многообразное по наблюдаемым следствиям»

[3. С. 130]. Таким образом, понимание текста можно определить как процесс и результат построения его семантической макроструктуры [4] путем перевода с национального языка на язык интеллекта [8] при условии наличия в предшествующем опыте индивида необходимых языковых и энциклопедических знаний [9].

Понимание представляет собой действительно творческую работу, целенаправленную деятельность, серию взаимозависимых, взаиморазвивающихся творческих актов, происходящих на всей протяженности встреч слушателя с экспрессивными текстовыми формами. Успешность построения некоторого мыслительного содержания зависит при этом и от традиционно изучаемого фактора: уровня социального развития личности, определяемого степенью полноты «картины мира», наличествующей в индивидуальном сознании [9]; а также и от степени языковой и коммуникативной компетентности индивида, уровня сформированности его «чувства языка».

Само понимание может быть различным по степени полноты и глубины освоения реципиентом смысла текста. Иначе говоря, смысловой уровень не линейен, о чем уже неоднократно упоминалось в литературе. Понимание --- процесс поступательный, совершающийся от одной ступени к следующей, от неполного понимания, нередко смутного на первых порах ощущения, к более полному и глубокому. Развитие понимания не может происходить иным путем, как двигаясь от одного уровня понимания (низшего) к другому, более высокому. Таким образом, понимание текста есть процесс построения вывода на всех уровнях: как на уровне значения слова, фразы, предложения, так и на более глобальном уровне семантических макроструктур [4]. Подобное утверждение основывается как на отображенной в тексте структуре значений, так и на наличествующих в нем когнитивных структурах.

Движение мысли, с одной стороны, осуществляется как последовательное перемещение от одного, относительно завершенного элемента текста к другому, следующему за ним, представляя собой линейное движение «вдоль» текста из сменяющих друг друга слов, фраз, предложений, абзацев, глав. С другой стороны, осуществляется и скачкообразное перемещение мыслительного центра на другие смысловые уровни, создавая эффект «включенности в высшие структуры», что доказывает существование смысла как «потенциала развития» [3].

Итак, движение мысли в процессе понимания возможно как по *горизонтали*, линейно, от одной текстовой единицы к последующей, так и по *вертикали*, переходя от частных единиц (отдельных средств выражения и их смыслов в тексте) к единицам другого порядка – метаядиницам, метасмыслам, метасвязям и их поступательному укрупнению. Наша мысль постоянно стремится проникнуть на более глубокие уровни, возвращается назад, чтобы

скорректировать возникшие гипотезы, затем повторно движется вперед, устанавливая связи как внутри каждого смыслового уровня, так и между элементами различных уровней. По мнению А.А. Брудного, можно выделить отдельный тип текстов, для понимания которых специфически существенное значение имеет резкое смещение центра ситуации назад, в направлении от конца к началу (это относится, в частности, к так называемым текстам с тайной, наглядно представленным произведениями детективного жанра) [3. С. 40].

При движении мысли *по горизонтали* имеет место явление, названное Л.С. Выготским *вливанием смыслов*. Каждый последующий компонент не просто присоединяется, а вливается в предыдущий, при их одновременном взаимовлиянии. Л.Н. Мурзин определяет данное явление как *закон инкорпорирования*. Вливание последующего смысла в предшествующий образует «инкорпорирующий комплекс» как результат укрупнения текстовых единиц. Движение мысли по горизонтали являет собой нерелексивное понимание на семантическом уровне текста.

Мыследействие *по вертикали* представляет собой сведение больших последовательностей семантических единиц, пропозиций, в иерархически организованные макропропозиции [4], выполняя таким образом сложную задачу упорядочивания огромного количества семантических данных. Поскольку этот процесс мыследействия опирается на актуализацию базы знаний реципиента, вовлекая постепенно в понимание все больший объем фоновых знаний, то движение мысли по вертикали знаменует релексивное понимание (понимание своего прежнего понимания). Как утверждает А.А. Брудный, «смысл на определенном уровне сложности системы способен к самопорождению», а само сознание имеет «смысловое строение и является определенной (и необходимой) стадией развития смысла» [3. С. 125].

И.С.Алексеев выделяет несколько уровней понимания, отражающих отношения между нерелексивным и релексивным пониманием. На нижнем уровне находится нерелексивное понимание как наделение понимаемого смыслом. Над этим уровнем надстраивается несколько уровней релексии: релексивного понимания своего прежнего понимания. Последнее, в свою очередь, может быть подвергнуто релексии второго порядка [1. С. 43]. Таким образом, релексивное понимание представляет собой понимание самого себя, что выводит субъекта к более глубоким смыслам и более общим категориям.

Реализуя гносеологический подход к пониманию, Ю.А. Основин выделяет *предметный, метапредметный и философский* уровни понимания новой теории. Понимание на предметном уровне нерелексивно и осуществляется в поле предметных значений. На метапредметном уровне понимание представляет собой релексию первого порядка и является интерпретирующим. Философское понимание также релексивно и отражает мировоззренческое значение теории [13. С. 87].

С.А. Васильев, трактующий понимание как деятельность, продолжающую творческие усилия автора, ответное текстопорождение посредством перевода смысла авторского текста на «другой» язык, выделяет три уровня понимания. На уровне *перевода* осуществляется прямая передача предметного содержания зачастую даже при поверхностном осмыслении оригинала, не предполагающем осознание специфики и своеобразия форм ощущений и эмоций. На уровне *комментария* осуществляется обнаружение и фиксация метатекстовых связей и отношений, воссоздание и описание контекста произведения, ситуации, в которой оно создавалось. На уровне *истолкования* (интерпретации) текста осуществляется овладение самыми глубинными пластами смысла произведения [5. С. 191]. Очевидно, понимание на уровнях комментария и интерпретации рефлексивно в отличие от нерефлексивного понимания на уровне перевода.

Само рефлексивное понимание не однотипно, а зависит от сферы направленности рефлексии. Г.И. Богин, рассматривающий в своих работах понимание с позиций филологической герменевтики и рефлексивного схемопостроения, выделяет три типа рефлексивного понимания: *семантизирующее, когнитивное, распредмечивающее*. Семантизирующее понимание имеет место при направленности рефлексии в ту сферу опыта индивида, которая сопряжена с памятью о форме и семантике языковых знаков. При когнитивном понимании рефлексия направлена в сферу, отражающую опыт знаний и познавательной работы. Рефлексия направлена на опыт усмотрения и переживания человеческих идеальных реальностей при распредмечивающем рефлексивном понимании. При этом распредмечивание рассматривается Г.И. Богиним как восстановление при рецепции текста каких-то сторон ситуации мыследействования продуцента на основе рефлексии над формой, что в результате приводит к усмотрению смыслов [2].

Феномен понимания, очевидно, обладает «поливариантными типами своего существования» [13]. Можно также предположить, что любая деятельность человека, в принципе, обеспечивается соответствующим типом понимания, которое варьируется как по степени полноты, так и по уровню теоретического освоения действительности. В работах по этой тематике наблюдается своеобразный плюрализм мнений о сущности понимания. Это лишь подтверждает, что данная проблема находится в начальной стадии изучения и перспективна для дальнейшего ее теоретического и экспериментального исследования.

Литература

1. Алексеев И.С. Рефлексия и понимание в науке и философии // Проблемы рефлексии в научном познании. Куйбышев: КГУ, 1983.

2. *Богин Г.И.* Рефлексия и понимание в коммуникативной подсистеме «человек – художественный текст» // Текст в коммуникации: Сб. науч. тр. М.: Акад. наук, Ин-т языкознания, 1991.
3. *Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998.
4. *Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
5. *Васильев С.А.* Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев: Науковадумка, 1988.
6. *Доблаев Л.П.* Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М.: Педагогика, 1982.
7. *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984.
8. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // ВЯ, 1964, С. 26-38.
9. *Залевская А.А.* Понимание текста: психолингвистический подход. Калинин: КГУ, 1988.
10. *Зимняя И. А.* Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения: Сб. ст. М.: Наука, 1976.
11. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
12. *Мурзин Л.Н., Штерн А.С.* Текст и его восприятие. Свердловск: Урал. ун-т, 1991.
13. *Основин Ю.А.* Генезис и сущность понимания. Куйбышев: Саратов. ун-т, 1990.
14. *Ревуцкий О.И.* Анализ художественного текста как коммуникативно обусловленного связного целого. Ми.: НИО, 1998.